

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**



НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

3/2017

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2017

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Белоконь С. А.</i> Особенности функционирования триады «автор-герой-читатель» в концепции М.М. Гиршмана	5
<i>Воробьёва О. С.</i> Пространственная семантика английского постпозитива <i>out</i> и русской приставки <i>вы-</i>	10
<i>Гурина Н. Е.</i> Автобиографическая основа образа повествовательницы в романе И.Н. Полянской «Прохождение тени»: проблема фактической и нравственно-психологической достоверности	20
<i>Даренский В. Ю.</i> Песенная поэтика М. Матусовского: опыт характеристики	26
<i>Скляр Н. В.</i> Новейшая немецкая автобиография в контексте постмодернизма	34
<i>Филатова Е. В., Филатов В. А.</i> Слово или синтагма: минимальная речевая единица и её морфологическая природа (на материале книги М. Веллера «Великий последний шанс»)	40
<i>Герасименко Е. Е.</i> Интермедиаальный аспект художественного портрета и образа в романе Дж. Конрада «Лорд Джим»	49
<i>Минина Е. В.</i> Периферийные разряды поэтонимикона дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца»	55
<i>Морозенко Е. А.</i> Развитие семантики оценочных прилагательных со значением «угрюмость» и «жестокость» в английском языке	59
<i>Осташова О. И.</i> Способы выражения структурных компонентов оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе	67
<i>Повторуха Н. В.</i> Метонимия в системе метрологической лексики на материале немецкого и украинского языков	74
<i>Русенко Т. И.</i> Существительные в структуре лексико-семантического поля «запах»: состав, семантика, типология	79
<i>Симонова И. В.</i> Жанр баллады в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»	86
<i>Стерхов А. А.</i> Мифологизм в образе Миранды – героини романа Дж. Фаулза «Коллекционер»	90

УДК 821. 112. 2-94. 09

НОВЕЙШАЯ НЕМЕЦКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© 2017. *Н.В. Склад*

ГОУ ВПО ЛНР Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

Статья посвящена одному из актуальных вопросов исследования художественно-документальных жанров – изучению художественного своеобразия немецкой автобиографии на современном этапе развития. Особое внимание уделено рассмотрению условий возникновения «новой автобиографии» в немецком литературном пространстве и тем особенным чертам, которые она приобрела на этапе современного развития.

Ключевые слова: немецкая автобиография, постмодернизм, факт, фикция, метатекст.

Социальные процессы конца XX века начала XXI принесли человечеству много изменений в различных сферах жизни. Реформирование произошло в общественном устройстве, культуре, науке, появился даже так называемый постнеклассический способ мышления для фиксации ментальной специфики новой эпохи. Художественно-документальная литература как зеркало человеческой жизни также претерпела перевоплощения, они затронули и предмет нашего исследования – автобиографию. Различные аспекты ее построения изучают отечественные, европейские и американские литературоведы. Актуальными являются проблемы ее жанрового определения (Л.Б. Караева, А. Эрлл), выявление основных жанровых признаков (Л.В. Казанцева, К. Бергманн) и особенности поэтики (М.А. Кулабухова, И. Аихингер).

В рамках нашей темы хотелось бы остановиться на вопросе определения тех исторических и общественных условий, в которых появилась и развивалась современная немецкая автобиография. На сегодняшний день появилось определенное множество автобиографических произведений немецких авторов, и эти работы требуют детального анализа и изучения. На наш взгляд, большое влияние на современное немецкое автобиографическое письмо, как и на общий литературный процесс, оказали постмодернистские тенденции развития искусства в целом. Однако, в этом контексте немецкая постмодернистская автобиография получила еще и ряд своих особенностей при сравнении с традиционной автобиографией. Изучение этих особенностей и составило цель данной статьи.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на исторические условия, которые обусловили трансформацию немецкой традиционной автобиографии. Жизнь в разделенной стране, разрушение ГДР и последующее объединение Германии привели к тому, что многие немецкие писатели и интеллектуалы имплицитно или критически попытались рассмотреть собственную личность. Доказательством этого стало появление значительного количества автобиографических произведений новой волны. Их авторами стало поколения писателей, которые родились в первые десятилетия XX века, провели детство и молодость под лозунгами национал-социализма и войн, пережили первые шаги социалистического государства, так или иначе приняли участие в его становлении, а после объединения Германии решили рассказать историю собственной жизни и своей личности под влиянием этих выдающихся исторических

событий, используя новые теоретические основы для создания автобиографического текста.

Автобиографическую панораму последних десятилетий XX века составили следующие произведения: пять автобиографических произведений «Причина» (1975), «Погреб» (1976), «Дыхание» (1977), «Холод. Изоляция» (1981), «Ребенок» (1982) Т. Бернхарда, М. Фриша (1975), «Спасенный язык. История молодости» Э. Канетти (1977), «Факел в ухе. История жизни 1921 – 1931» вторая книга Э. Канетти (1980), «Места» Э. Амери (1980), «Мгновения. История жизни 1931 – 1937» Э. Канетти (1985), «Промежуточный баланс. Молодость в Берлине» Г. де Бройна (1986), «Я был гитлеровец Соломон» С. Переля (1989), «Война без сражений. Жизнь в двух диктатурах» Х. Мюллера (1992), «Сообщение о пережитом» Б. Вилькомирского (1995), «Взрослые игры» Г. Кунерта (1997), «Моя жизнь» М. Райх-Раницкого (1999).

В начале нового века были опубликованы автобиографии: «Разрушенные детства» Э. Лецци (2001), «Вечеринка при молнии. Автобиография» Э. Канетти (после смерти автора, 2003), «Полюса воспоминаний. Автобиография» Х. Чеховского (2006), «Луковица памяти» Г. Грасса (2006), «Я не» И. Феста (2006), «Пять Германий и одна жизнь – воспоминания» Ф. Штерна (2007), «Фотокамера» (2009) и «Слова Гримм» (2010) Г. Грасса.

Рассматривая тематику этих произведений, замечаем, что среди прочих решающими здесь выступают две проблемы, обусловленные бурными историческими и социальными событиями: во-первых, это влияние войны и фашистского режима на личность и судьбу автора, во-вторых, жизнь в разделенной стране, в частности на территории ГДР, и изменения после объединения страны. Если в той части Германии, которая называлась ФРГ, главным принципом автобиографических произведений, которые появились после Второй мировой войны, стал принцип катарсиса, то в ГДР ситуация была иной. Возвращение к автобиографии в первичном понимании там произошло лишь в 80-х годах после провозглашения советской политики прозрачности. До этого автобиографию воспринимали там как дидактическое представление образцовой личности, порядочного, социалистического человека. А потом произошло «открытие того, что ранее замалчивалось и в автобиографиях, и в документах» [1, с. 479]. «Говоря в тексте «Я», названные выше авторы имеют в виду самих себя и свое прошлое, которое может быть «двойным» под влиянием слишком сильной и противоречивой исторической основы. Г. де Бройн, например, в своем произведении подробно описал времена фашистской диктатуры и собственный опыт на фронте. Писатель Г. Кунерт, имея еврейское происхождение, посвятил значительную часть автобиографии «Взрослые игры» воспоминаниям о членах семьи, которые были депортированы после Освенцима. Эта проблематика создает лейтмотив его произведения. Работа с прошлым кажется Г. Кунерту этической задачей, соответствующей индивидуальному и коллективному долгу – сохранить память о Холокосте. Неслучайно автор описывает себя как «невежественного археолога», который специализируется на «сомнительных следах жертв немецкой истории» [2, с. 33]. В автобиографиях Х. Мюллера и Х. Чеховского, которые особое внимание уделяют изображению жизненных условий в ГДР, воспроизведение исторических событий преобладает над изображением жизненных моментов личного характера.

Пережитая в детстве или молодости война и осмысление ее последствий также не обошла страницы автобиографических произведений середины XX – начала XXI веков. Почти все автобиографии затрагивают вопрос немецкой вины, национального стыда. Однако сама историческая ситуация расширила временные рамки этих понятий.

Например, чувство вины стало лейтмотивом в тексте автобиографии «Луковица памяти» Г. Грасса. Оно также лежит в основе проблематики произведения и сопряжено с вопросом: как Германия с выдающимися философами, гуманистами, педагогами, просветителями, писателями, которые подняли ее на высокий уровень интеллектуального и духовного развития, с педагогической, школьной системой, признанной во всем мире, пришла к фашизму. Писатель вновь и вновь обращается к мысли об общенациональной и собственной вине. Используя игру немецких слов «долги» и «вина» (на немецком соответственно «Schulden» и «Schuld»), автор отмечает, что это – родственные понятия: «Однако если с долгами можно как-то рассчитаться ..., то вина, доказанна ли она, или скрыта от глаз, или даже только является предположением, не исчезнет» [3, с. 41]. И если до 90-х годов в литературных произведениях ФРГ под понятиями «вина», «стыд» имели в виду события с 1933 года по 1945, то «после объединения страны период до разрушения Берлинской стены считают досадной, болезненной ошибкой и все вместе называют «немецким прошлым» [3, с. 4]. Итак, размышления над этим теперь уже объединенным прошлым, поиск ответа на вопрос, почему так случилось, становятся важными аспектами проблематики не только многих художественных произведений [3, с. 7], но и немецкоязычных автобиографий. Поэтому, принадлежность к одному временному отрезку обусловила поднятие общих тем в рамках этих автобиографий. В то же время эти вопросы стали не единственным дистинктивным фактором, который требует аналитического рассмотрения.

В конце XX – начале XXI веков, благодаря фундаментальным изменениям в концепции субъективизма, меняется и автобиографический текст, его структура, формы; содержательное наполнение, стратегия написания переходят на новый уровень, он приобретает особые признаки. Поэтому сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что в современной автобиографии наблюдается повышение текстовой комплексности. Это обусловило возникновение ряда новых теоретических вопросов. В отечественном и зарубежном исследовании теории и практики нового автобиографического текста появились неизученные вопросы и развернулись дискуссии, которые требуют анализа. Именно о них пойдет речь далее.

Благодаря возникновению новых черт в автобиографической текстовой плоскости современные литературоведы, продолжая теоретические традиции изучения автобиографии своих предшественников, создают новые теории и концепции, вводят новые понятия в терминологическую базу, анализируют взаимное влияние развития автобиографии, социума и культуры.

Теоретики анализируют автобиографические произведения своих современников и пытаются создать современную парадигму отношений в автографическом произведении.

В рамках теоретического изучения современной автобиографии возникают новые понятия: «новая автобиография» А. Робб-Грийе, «антиавтобиография» Р. Барта, «автофикция» С. Дубровски, «гей-лесбийское автобиографическое письмо» А. Жида, Ж. Жене, Х. Гойтисоло, «автобиографическая литература как бой быков» М. Лери, «сам как другой» Л. Штейн. Все они свидетельствуют о новом уровне развития автобиографии.

Обстоятельному изучению подлежат признаки и процесс создания автобиографического текста. Немецкая исследовательница А. Корбино-Хоффманн своим анализом произведений М. Лери внесла важный вклад в описание истории новой автобиографической парадигмы, создание которой в 60 – 70-е годы начали Р. Барт и

А. Робб-Грийе, а затем продолжили такие новаторы, как М. Лери. В его текстах (например: «Беспорядок» (1955), «Слабый шум» (1976)) отражены существенные конституенты текстовых видов. В подробном и убедительном исследовании А. Корбино-Хоффманн выделяет признаки нового автобиографического дискурса по М. Лери, который перманентно по-новому понимает психологический и травматический процесс создания автобиографического текста [4, с. 2]. А. Корбино-Хоффманн подчеркивает, что из лоскутков своих воспоминаний автор больше не конструирует историю жизни, а раскрывает ее презентацию как «схему изготовления документа». В центре стоит ритуальный последовательный повтор биографических элементов, использование техники, которая может быть противопоставлена любой автобиографической традиции, позже именно ей А. Робб-Грийе отведет центральную роль в своей теории «новой автобиографии». Подтверждение этой мысли можно также найти в автобиографии немецкого писателя М. Райх-Раницкого «Моя жизнь», которую автор представляет в виде пяти отдельных элементов. Каждый из пяти разделов имеет структуру завершеного художественного произведения и передает намек автора на то, что он «прожил пять жизней». Уже первая глава «Так кто же Вы?» хотя и рассказывает о детстве писателя, то есть о начале жизненного пути, но уже сразу передает главную мысль произведения – как вышло так, что Марсель Райх-Раницкий не имеет Родины. В текстовой плоскости на разных жизненных отрезках выстраивается образ чужака, который стремится найти свое место в этом мире: «С самого начала я выпадал из прописанных рамок, был индивидуалистом. Вряд ли я мог представить, что все так и останется: в какой бы школе я не учился, где бы ни работал, никогда я не вписывался вполне в свое окружение» [5, с. 18]. Из-за еврейской национальности его сверстникам нельзя было с ним общаться, тогда он вступил в союз еврейских скаутов Германии, но и там не нашел единомышленников. Жажда найти собственную нишу является сюжетным элементом произведения, который появляется в каждом разделе в своеобразном оформлении. В первой главе появляется первая антитеза – противопоставление двух сюжетных ситуаций: отсутствие родины и желание самоопределение, самоидентификация

Интересны мысли Б. Ройтманн по поводу достоверности нового автобиографического письма. Рассматривая текст «Пробуждение» Л. Штейн, она подчеркивает важность разделения субъекта на самого себя и на другого («Soi-memecommeunautre» – сам как другой), указанную в работе в контексте новой автобиографии. Она изображает это как измененное восприятие собственного сознания и отчуждение языка через отделения от сигнификанта и сигнификата. Стремлению к подлинности и правдивости противопоставлено фундаментальное отчуждение и отталкивание субъекта. Б. Ройтманн понимает текст как пример для невозможности создания автобиографического акта, который находит выражение лишь в качестве «авторомана», «автофикции» (по С. Дубровски и Р. Барту).

Проблема факта и фикции, правды и выдумки в современной автобиографии часто затрагивается исследователями. Речь идет о том, что постмодернистская автобиография допускает введение в сюжет не только мотивов, основанных на достоверных, реальных событиях, но и мотивов, выдуманных автором. Влияние автофикции на автобиографическую плоскость настолько велико, что можно говорить о метаморфозе жанровых аспектов автобиографии, имеется в виду, что благодаря фикции автобиография может присоединять к себе черты других жанров и выступать как метажанр. Неограниченное использование автофикции как специфической постмодернистской формы автобиографического письма и позволяет введение в текст

нереальных событий. Именно этот важный принцип создает условия для существования определенной степени фикционализации в автобиографии, что является главной функцией автофикции. Такой прием можно увидеть в уже упомянутой автобиографии Г. Грасса. В одном эпизоде наблюдаем такую сцену: «Вот он, зовут его Йозеф, он пытается в чем-то убедить меня, говорит настойчиво, но тихо, почти нежно и никак не идет у меня из головы. Я мечтал об одной профессии, он о другой <...> Я кричал: Йозеф, ты верно хочешь стать Великим инквизитор или метишь еще выше?» [3, с. 159]. Так Грасс рассказывает о встрече с неким арестантом родом из Баварии в лагере для военнопленных, куда он попал после Второй мировой войны. В эпизоде просматривается намек на то, что этот сокамерник – Папа Римский Йозеф Ратцингер. Однако официального подтверждения этому факту нет, поэтому можно предположить, что автор допустил в автобиографическом тексте выдуманный элемент, заимствованный из романной техники. И, конечно же, это не единственный пример.

Важным толчком для возникновения нового автобиографического дискурса является труд «Ролан Барт о Ролане Барте», который стал фундаментально новой «анти-автобиографией». Р. Барт указывает на гибридизацию этого жанра: «Все это нужно рассматривать просто как то, что рассказывает персонаж, и разрывать границы между фикцией и документальными свидетельствами» [6, с. 119]. Французский критик отмечает фрагментарность и случайность создания автобиографии, называет ее изображением «картин, которые, не знаю почему, меня поразили» [6, с. 120] и подчеркивает принципиальную незавершенность каждого автобиографического акта.

Интересна мысль немецкой исследовательницы К. Хильд о существовании «относительной автобиографии» [7, с. 5]. Она предлагает отказаться от жанрового разделения автобиографии и мемуаров, поскольку часто сообщение о собственной судьбе так или иначе касается жизни других людей, автобиограф не может рассказать о своей жизни изолированно, он обязательно изображает отношения с семьей, друзьями и так далее. Итак, тексты, которые ранее принадлежали к мемуарной литературе, следует считать относительными автобиографиями. Особенно важно это мнение сегодня, поскольку постмодернистская автобиография тяготеет к отказу от изображения четкого центра, который ранее был конкретной личностью [8, с. 69–82].

Дихотомию факторграфичность / фикциональность, которая определяет характер автобиографического жанра, пытался решить в книге «Замысел и правда в автобиографии» английский исследователь Р. Паскаль. Он отмечает, что главным признаком современной автобиографии является синтез художественного замысла и правдивости факта. Автобиографию следует относить к литературному жанру и изучать ее и как факт истории, и как факт литературы [8]. Он также отмечает, что настоящая автобиография «содержит движение жизни, она олицетворяет новую ступень самопознания и новую формулировку ответственности перед самим собой, она означает движение к самооткрытию и духовному перевоплощению» [8, с. 213].

Появление в контексте постмодернизма автобиографий с новым идейным содержанием обусловило повышение сложности тестового строения и различных модификаций в плоскости автобиографических текстов. Рассмотрев изложенные теоретические концепции, отметим, что целый ряд современных автобиографий, принадлежащих немецким авторам, подтверждают аспекты, которые составляют основы дискуссии в области современной автобиографии. Учитывая то, что предмет исследования является довольно сложным в рамках постмодерна, необходимо признать, что литературоведы создали развитую, хорошо структурированную систему для изучения автобиографического дискурса. Немецкая автобиография в контексте

постмодернизма имеет ряд черт, которые отличают ее от автобиографии в традиционном понимании, чему способствовало множество факторов исторического, социального и философского характера. Среди основных признаков можно выделить: сочетание факта и выдуманных моментов, автофикцию, метатекстуальность как возможность реализации выдумки. На сегодняшний день продолжается дискуссия относительного жанрового определения постмодернистской автобиографии. Детальное изучение этого вопроса видится нам перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Frerichs P. Bürgerliche Autobiographie und proletarische Selbstdarstellung / P. Frerichs. – Frankfurt : Haag+Herchen Verlag, 1980. – 635 s.
2. Чугунов Д. А. Немецкая литература 1990-х годов: основные тенденции развития [Электронный ресурс] / Д. А. Чугунов. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/nemetskaya-literatura-1990-kh-godov-osnovnye-tendentsii-razvitiya>. – Загл. с экрана. – Дата обращения: 20.09.16.
3. Грасс Г. Луковица памяти : [роман] / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Иностранка, 2008. – 592 с.
4. Rezensionen [Elektronische ressource]. – Zugriffsmodus: <http://www.perlentaucher.de/buch/joachim-fest/begegnungen.html>. – Titelfeldschirm. – Дата обращения: 20.02.15.
5. Райх-Раницкий М. Моя жизнь / Марсель Райх-Раницкий ; [пер. с нем. В. Брун-Цехового]. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 521 с.
6. Barthes R. Über mich selbst / R. Barthes ; [übers. Jürgen Hoch]. – Berlin : Matthes & Seitz, 1978. – 208 s.
7. Hild C. «Not Blood Relations, Ink Relations» Autobiographie und Fiktion : Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität / C. Hild. – München, 2007. – 314 s.
8. Paskal R. Die Autobiographie: Gehalt und Gestalt / R. Paskal. – Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz : Kohlhammer, 1965. – 244 p.

Поступила в редакцию 14.05.2017 г.

LATEST GERMAN AUTOBIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM

N.V. Sklyar

The article deals with the study of the art originality of German autobiographies at the present stage of development, which is one of the topical issues of art and documentary genres' research. A special attention is paid to the conditions of the "new autobiography" emergence in the German literary space and the traits that it has acquired in the process of modern development.

Key words: German autobiography, postmodernism, fact, fiction, metatext.

Скляр Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии.

E-mail: natalieskljar@mail.ru

Sklyar Natalya Vladimirovna

Candidate of Philology.

Lugansk National University named after Taras Shevchenko.

Docent, the Head of the Roman and Germanic Philology Department.

E-mail: natalieskljar@mail.ru